

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН ИЛЬИНСКИЙ

Иоанн Евфимиевич Ильинский родился в 1846 году, в семье пономаря. Вдохновленный примером своего родителя, отец Иоанн уже в детстве решил связать свою жизнь со служением Христу. И в 1864 году поступил учиться в Симбирскую духовную семинарию. Не имевший особенно больших денег на обучение сына, отец Иоанна все-таки приложил к этому делу все имевшиеся силы и средства.

В результате, в 1870 году будущий священномученик закончил семинарию с аттестатом второго разряда. Но далеко не сразу после окончания обучения отец Иоанн решил получить духовный сан. Впереди у него была большая забота – найти себе достойную жену. И все то время, пока он искал себе спутницу жизни, отец Иоанн работал земским учителем.

Три года миновало. К этому времени он уже был замечен губернскими властями и несколько раз поощрялся за свою учительскую работу. Лишь в 1873 году он обвенчался с Александрой Ивановной, с которой прожил неразлучно последующие 45 лет.

Но работа сельского учителя осталась в прошлом. По-настоящему он раскрыл себя, лишь став священнослужителем. В том же 1873 году его заветное желание исполнилось, и отец Иоанн был рукоположен епископом Симбирским и Сызранским Евгением сначала в диакона, а спустя некоторое время и в сан священника. Служить ему предстояло в селе Томьлово Сенгилеевского уезда.

Как и в прежней своей, мирской, учительской, жизни, Иоанн Евфимиевич развернул в Томьлово бурную деятельность. Благо, соответствующий простор для этого был. В селе было 285 дворов и более трех тысяч жителей, для которых работали земская школа и министерское училище. В них отец Иоанн преподавал Закон Божий.

За 45 лет своей неустанной службы он не раз отмечался благодарностями епархиального начальства. В 1884 году он был награжден набедренником, в 1887 году – скуфьей, а в 1894 году – камилавкой, а в 1906 году – наперсным крестом.

Его авторитет был несомненным и среди его коллег-священников. До конца девятнадцатого столетия батюшка был членом благочиннического совета и миссионером благочиннического округа. А с 1911 года он занимался еще и миссионерской деятельностью по Симбирскому и Буинскому уездам. Здесь издавна было много язычников из чуваш и мордвы, а потому дело миссионера здесь было востребованным и почетным, хотя и весьма непростым.

Занимался отец Иоанн и делами вполне себе повседневными – в церковной школе грамоты он работал законоучителем, а в миссионерской школе – учителем для подготовки прихожан к борьбе с расколом.

Истовый сердцем, отец Иоанн повсюду обращал свою веру в реальные поступки. Работая с раскольниками, он обращал их в истинное Православие. В годы неурожая он помогал собирать средства для пострадавших прихожан. За все заслуги в 1903 году ему был пожалован орден святой Анны, а в 1913 году, в честь сорокалетнего священнического служения, он был возведен в сан протоиерея.

В семье его было восемь детей – сыновья даже воевали на фронтах Первой мировой войны, а дочери пошли по стопам отца и стали сельскими учительницами.

Даже когда началась Первая мировая война, еще казалось, что впереди – долгая жизнь, в ходе которой истовый миссионер и учитель сотворил бы еще много добрых дел.

Однако, совсем скоро в России произошла революция и на священников обрушились репрессии.

Усугубились они в июле 1918 года, когда к Симбирску подошли войска «белочехов». Долго они не продержались, а Сенгилеевский уезд стал одной из арен, где бились красногвардейцы и отступившие «белые».

По рассказам летописца соседнего селения Кивать, в их сторону белочехи пытались наступать от Томьлово, где жил отец Иоанн. Но к сентябрю их заставили отступить.

Разъяренные серьезными потерями, большевики вступили в село и стали искать тех, кто сотрудничал с белыми. По официальной версии, красногвардейцы схватили 72-летнего батюшку у храма, когда он собирался после всенощного бдения в канун Воздвижения Креста идти со Святыми дарами соборовать больную прихожанку.

По рассказам родственников, красные приехали к дому отца Иоанна на тарантасе и поначалу попросили его проехать с ними (якобы «показать дорогу до Безводовки»). И лишь отъехав на некоторое расстояние, они схватили его, сообщив, что он арестован за связь с белочехами.

В Томьлово он был первым кандидатом на арест – не только потому, что был священником, но и за то, что белочехи организовали в его просторном доме свой штаб. Отвезя его в штабной вагон, большевики допрашивали мученика всю ночь, а утром вывели отца Иоанна на опушку леса и там расстреляли. Тело бросили в четверти версты от железнодорожного полотна, слегка прикопав тело землей.

Лишь спустя год мытарств по большевистским инстанциям, дойдя до руководителя Симбирского губисполкома Гимова, сын батюшки Иоанна добился права перезахоронить его похристиански. Тот даже обещал найти убийц, утверждая, что власти в расстреле священника не виноваты. Но душегубов так и не разыскали.

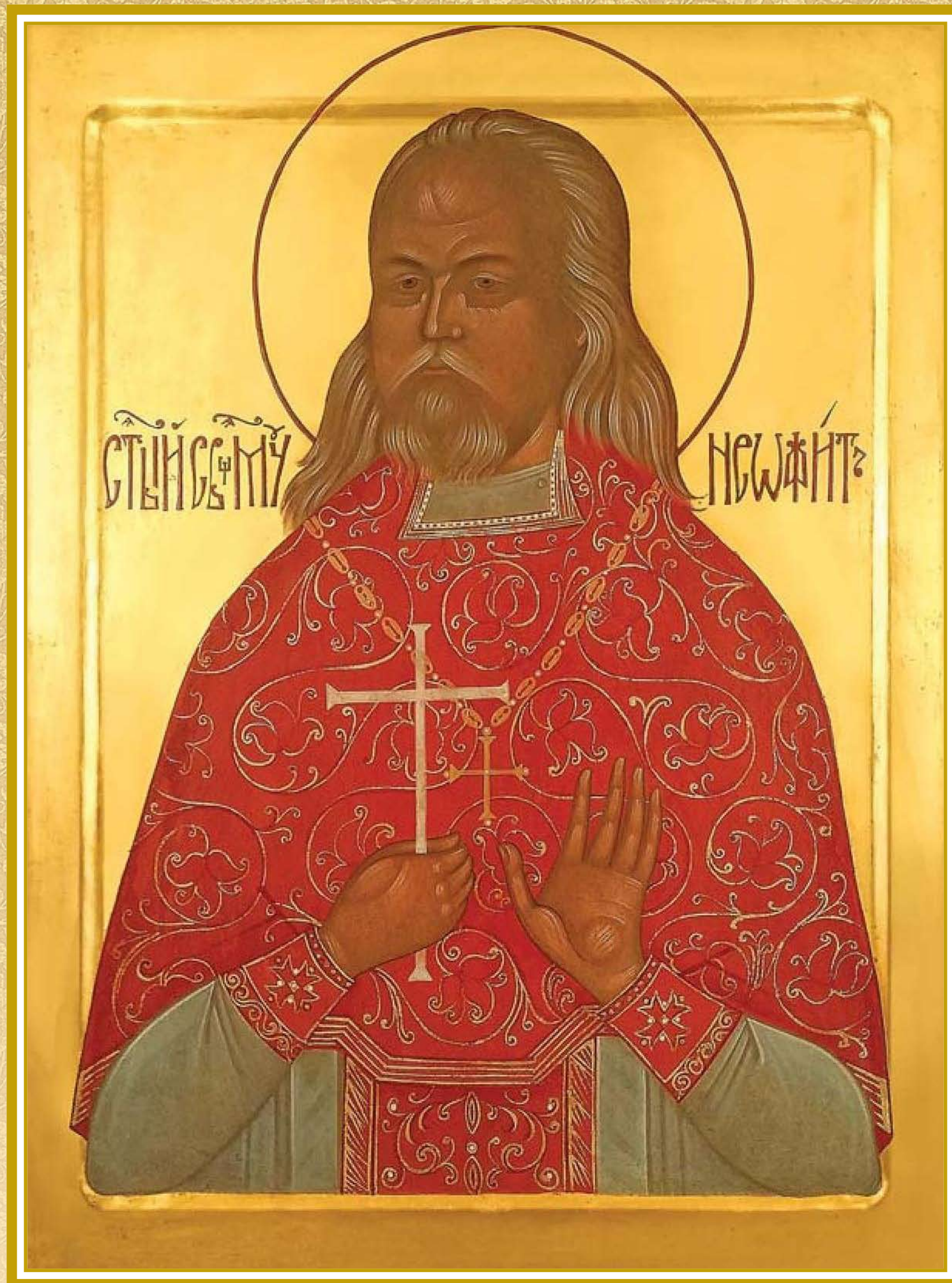
По рассказам старожилов села Томьлово, похоронили батюшку на старом кладбище. Попытки найти его могилу на Никольском кладбище пока ни к чему не привели. Точное место его захоронения до сих пор неизвестно.

Ответственности за его убийство так никто и не понес. Лишь 13 сентября 1919 года Симбирский ревтрибунал признал, что оснований для его казни не было, и в контрреволюционной деятельности он не участвовал. Было даже постановлено вернуть семье конфискованное имущество. Но его обнищавшей семье это помогло не сильно – комитет бедноты уже давно зарезал коров со двора батюшки и негласно растащил большую часть вещей.

Отец Иоанн Ильинский был казнен без всякого основания, по ложному обвинению. За преступление, которого не совершал, а попросту за то, что был православным священником. Он стал первым, казненным в Симбирском крае в 1918 году, из прославленных святых.

К лику общецерковных святых его причислили 11 апреля 2006 года. Память священномученика Иоанна Ильинского, протоиерея Томьловского, совершается 28 сентября по новому стилю – на следующий день после Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господнего.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НЕОФИТ ЛЮБИМОВ

Неофит Порфирьевич Любимов пострадал не в Симбирске, а в Москве, но также входит в Собор Симбирских святых.

Он родился в 1846 году в селе Таборы Самарского уезда Самарской губернии. Духовное образование он получил в Киевской духовной академии, окончил которую со степенью кандидата богословия.

Первое время, с 1876 по 1882 годы отец Неофит состоял преподавателем при Симбирском епархиальном женском училище, будучи там учителем русского языка и гражданской истории.

Параллельно с этим, он преподавал и в других крупных учебных заведениях Симбирска, например, в Марининской женской гимназии и расположенном через улицу от нее Симбирском кадетском корпусе.

С 17 августа 1885 года он был назначен законоучителем и инспектором все в том же епархиальном женском училище.

Новое назначение совпало по времени с его рукоположением в сан священника. Он состоял в клире церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы епархиального училища. До нас дошло восемь Слов, произнесенных во Введенском храме в дни престольных праздников.

Как и многие его сподвижники, прежде чем стать священнослужителем, отец Неофит был примечательным и талантливым педагогом, но главные его заслуги были отмечены все же на поприще служения Христу. В последующие годы, вплоть до 1895 года он продолжал работать в образовательной сфере, оставаясь в должности инспектора классов женского училища и преподавая гомиетику в Симбирской семинарии. А с 1899 года преподавал ещё греческий язык в Симбирском духовном училище.

После службы в храме при епархиальном училище последовала служба в церкви Всех святых, а в 1902 (по другим данным, в 1903) году он был переведён в столицу и назначен настоятелем церкви Воскресения Словущего на Ваганьковском кладбище в Москве. Это назначение очень ясно продемонстрировало, что заслуги отца Неофита не остались незамеченными.

Будучи в Москве, он не прекращает образовательную работу, активно участвует в образовательных чтениях, проводимых для мирян. В частности, он принимает активное участие в образовательных чтениях для фабрично-заводских рабочих, читает лекции для рабочих в Московском епархиальном доме. Работа эта и здесь была оценена по достоинству, в результате в 1906 году отец Неофит получает сан протоиерея.

С этого момента он демонстрирует себя не только, как добрый учитель, но и как истовый миссионер, борющийся с сектами и ложными течениями. Работа его, крупная и нужная, как и у многих его сподвижников, была прервана революцией.

Ревностный проповедник и защитник православия, он основал собственное миссионерское издательство, в котором публиковал работы архиепископа Антония (Храповицкого) против секты пашковцев, Н.Ю. Варжанского – против различных сект, а также свои собственные работы. В 1914 году вторым, дополненным изданием вышли проповеднические труды протоиерея Неофита. Основанием к переизданию стали высокие отзывы о его про-

поведях. Протоиерей Неофит православно-церковные убеждения соединял с патриотической настроенностью и твердыми воззрениями на благодетельную силу царской власти, он издал специальный труд о духовной природе царской власти и об обязанности православных людей хранить и укреплять ее.

В 1914 году он был назначен настоятелем храма святителя Спиридона Тримифунтского на Козьем болоте. В 1917 году, как и многие его коллеги, отец Неофит, продолжая службу, оставался вне зоны внимания богоборцев. Многие большевики по старой памяти не спешили рубить один из главных столпов русской государственности. Но батюшка обратил на себя внимание в 1918 году.

В мае 1918 года на квартире протоиерея Восторгова был арестован зять отца Неофита – миссионер Николай Варжанский. Пытаясь спасти его, батюшка написал письмо лично Ленину. Вот выдержки из этого письма:

«В скорбные дни моей личной жизни имею смелость обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. О своей личности имею долг сообщить следующее. Я служил в Симбирске вместе с Вашим родителем. Он был директором народных школ, а я преподавателем Марининской женской гимназии, Кадетского корпуса и Духовной семинарии. Родитель Ваш мне хорошо известен и знаком, я с ним весьма нередко встречался в частных домах и на собраниях, где обсуждались дела педагогические. Скончался он при мне, я был молитвенником тогда, да и теперь молюсь за него... Во дни своей настоящей невзгоды я осмеливаюсь обратиться к Вам... с покорнейшей просьбой: мой сын (зять) Николай Юрьевич Варжанский совершенно случайно попал под арест... Покорнейше прошу принять участие в моем горе... Он человек благонамеренный, советское правительство признает и подчиняется ему, каких-либо контрреволюционных выступлений нигде никогда не имел, он проповедник слова Божия – миссионер и только... Прошу Вас... ради памяти Вашего родителя, моих заслуг по отношению к Вашей родной сестре Марии Ильиничне в деле образования и воспитания помочь мне в моем горе: освободить Варжанского из тюрьмы и возвратить его в семью...»

Но ответа на письмо не последовало. А сам отец Неофит, очевидно, был взят в разработку. Либо же на него донесли. Не прошло и двух месяцев, как вечером 21 июля 1918 года отец Неофит был арестован органами ВЧК. Обвинили его в том, что несколькими часами ранее он отслужил в своем храме панихиду по «убиенному новопреставленному бывшему царю Николаю». Этого повода уже хватило для того, чтобы обвинить батюшку в «агитации против советской власти», в том, что «служил панихиду по "помазаннике Божию" Николаю Романову».

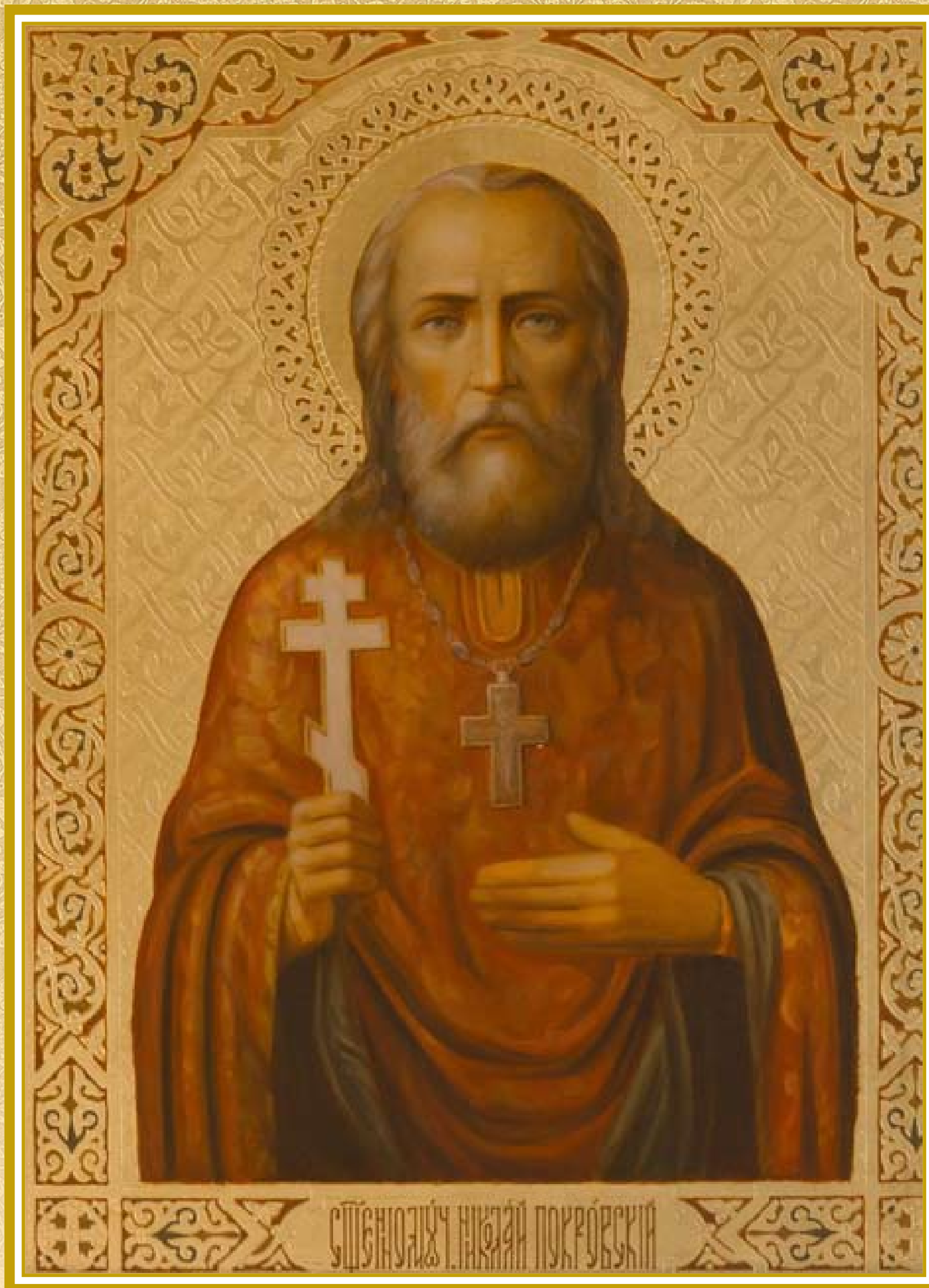
«Тройка» президиума коллегии по борьбе с контрреволюцией приговорила протоиерея Неофита к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 30 октября 1918 года на Калитниковском кладбище, там же было погребено и тело святого, но точное место неизвестно.

Пускай вдалеке от своей родины, но отец Неофит пал жертвой гонений на священнослужителей, и по праву считается новомучеником Симбирской земли, как принявший смерть за свою веру. Священномученик Неофит Любимов был канонизирован в августе 2000 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. День памяти священномученика Неофита совершается 30 октября по новому стилю.

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНИЦИАТИВА
Международный открытый грантовый конкурс

СИБИРСКИЙ ЦЕНТР ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОЛАЙ ПОКРОВСКИЙ

Николай Сергеевич Покровский родился в 1864 году в семье священника. И, как и многие священнослужители того времени, он решил продолжить семейную традицию, пойдя по стопам отца. Будучи человеком острого ума и отличной памяти, в 1889 году он закончил Симбирскую духовную семинарию по первому разряду, что соответствует современному «красному диплому». Местом его служения было определено село Шерауты Буинского уезда, где он занял должность псаломщика в местном храме. Спустя год служения в этом селе, Николай Сергеевич женился на дочери священника Иакова Киятского – Елене.

В 1891 году Николай был рукоположен епископом Симбирским и Сызранским Варсонофием в диаконы, а вскоре и в сан священника. Новым местом службы ему был определен храм в селе Никулино Карсунского уезда. Там батюшка опробовал себя на новой стезе – параллельно со служением в храме, он занимался преподаванием Закона Божьего в земской школе. Так как родных детей у него с женой не было, всю свою любовь он отдавал окружающим.

Однако, так прошли лишь четыре года служения отца Николая. И уже через несколько лет его перевели на новое место – в село Кашпир Сызранского уезда, в Благовещенский женский монастырь. Но особенно проявил себя добрый священник в 1907 году, когда в Поволжье случился неурожай. Милосердный пастырь не мог оставить прихожан в беде, и помогал им не только словом, но и делом. С его помощью был организован сбор хлеба в пользу нуждающихся, и общими усилиями удалось избежать голода. За это, в августе 1908 года, он был пожалован Высочайшей благодарностью от вдовствующей Императрицы Марии Федоровны (супруги Александра III). В том же году он был переведен на последнее место своей службы, где его и застали страшные испытания – в село Горюшки Сенгилеевского уезда.

Судя по записям в летописи, которую поначалу вел отец Николай, а следом за ним стал вести его тесть – Иаков Киятский, революцию священнослужитель принял с большой тягостью на душе. Вопрос земли, по его словам, оставался очень неясным, зато кругом начались бесчинства взбесившейся бедноты. Злые люди, в том числе и вооруженные красноармейцы, начали безнаказанно расхищать барский лес и амбары, участвовали грабежи, начались даже погромы церковные.

Однако население села Горюшки проявило себя иначе. Им не по душе были церковные погромы. И в начале 1918 года горюшкинские жители собрались вечером на церковной площади и потребовали у отца Николая отпереть церковь: «хотим составить всеобщий приговор такой, чтобы до нашей церкви не касались! Пусти нас в церковь, чтобы мы это там устроили!». И батюшка не в силах был остановить праведный гнев своих односельчан, за что потом его обвинили в организации митингов в церкви.

Настоящая гроза разразилась через год, в феврале 1919 года. В начале 1919 года, не выдержав тяжести продрозверсток, поволжские крестьяне начали восставать повсеместно, и на русских красноармейцев надежды уже не было – велика была вероятность, что они перебегут к мятежникам. Поэтому подавлять восстание пришлось венграм, латышам и ки-

тайцам. С большим трудом, но волну народного гнева все же удалось успокоить. И когда начались разбирательства, всплыло множество доносов, которые писали на батюшку Николай горюшкинские коммунисты.

Один за другим читали чекисты докладные о том, как отец Николай подстрекал народ на бунт, а во время восстания – так и вовсе благословил мятежников на дальнейший поход в сторону Сызрани (восставшие крестьяне действительно имели целью захватить этот город). И уже в марте выездной трибунал арестовал ни в чем не повинного священника, тут же приговорив его к расстрелу.

«Священника с Горюшки Николая Покровского, 55 лет. За подстрекательство и контрреволюционную напутственную проповедь перед восставшими РАССТРЕЛЯТЬ. Приговор этот привести в исполнение немедленно. Подлинное подписали Председатель Ревкома и Члены Ревкома», – так гласил протокол трибунала. В тот день вместе с ним убили еще троих его односельчан.

Подробно историю ареста и казни рассказал церковный летописец – тесть отца Николая – протоиерей Иаков Васильевич Киятский: «В феврале месяце, в конце его, в народе произошла тревога. Встревожилась, чуть ли не вся Симбирская губерния. Вызвали эту тревогу непомерные зверские поступки над народонаселением коммунистов. Они, при помощи вооруженных армейцев, вторгались в дома жителей, производили обыски, отбирали хлеб, делали и другие неправды и насилия. Противников своих они объявляли контрреволюционерами, клеветнически возводили на них обвинения, арестовывали, отправляли в тюрьмы, откуда заключенные откупались деньгами, а некоторые заплатились жизнью. Восстание против насильников началось с того, что некоторых избili до смерти, и потом, отслуживши молебен в церкви, направились толпой в город с протестом против насильств. До городов они дойти не могли: их прогнали с дороги. А потом во все селения, откуда начинались набезы, посланы карательные вооруженные отряды армейцев. Многих арестовали, некоторых убили. В то же время карательный отряд прибыл и в Горюшку...».

В ночь с 4 на 5 марта (по старому стилю), по приговору Волостного Революционного Комитета, священник села Горюшки Сенгилеевского уезда Николай Покровский был расстрелян. 6 марта он был похоронен на приходском кладбище.

Как и многие новомученики, он был казнен исключительно за то, что был священником и духовником своих односельчан. Понятно, что, как священник, он не мог взять в руки оружия и также побуждать к этому других. Но поработая и подавляя русское крестьянство, большевики видели последнюю опору этого класса в Православии. И всеми силами пытались истребить каждого, кто ещё мог проповедать людям веру.

Но таких людей, как священник Николай Покровский, нельзя было уничтожить, попросту расстреляв их. Ведь поступки их и доброта продолжали жить в народной памяти. Вот и по сей день о нем помнит Русская Православная Церковь. Отец Николай причислен к лику общецерковных святых 11 апреля 2006 года. День его общецерковной памяти совершается 18 марта по новому стилю.

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНИЦИАТИВА
Международный открытый грантовый конкурс

СИБИРСКИЙ ЦЕНТР ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АЛЕКСАНДР ГНЕВУШЕВ

Александр Федорович Гневушев родился в Симбирском уезде, в селе Русская Цильна 23 сентября (6 октября) 1889 года, в семье Фёдора Васильевича Гневушева – известного симбирского священнослужителя и будущего настоятеля Свято-Троицкого собора города Буинска.

В семье отца Фёдора и его матушки Клавдии Николаевны было четверо детей: два сына и две дочери. Сыновья стали священниками, а дочери – педагогами. Все дети пошли по стопам отца, так как отец Фёдор не только был священником, но и очень много времени уделял просвещению крестьян. Во время рождения Александра он безвозмездно трудился в организованной им школе, которая располагалась в квартире священника, так как другого помещения не было. На нужды школы отец Фёдор выделял свои личные деньги. Позже им были построены в этом же селе храм, церковно-приходская школа и школа грамоты.

Из вышесказанного хорошо видно, что отец священномученика очень любил своих прихожан, и старался как можно больше сил вкладывать в их просвещение. Эту любовь к своей пастве в полной мере унаследовал и его сын. В 1912 году Александр Федорович закончил духовную семинарию и был назначен псаломщиком в свое родное село. Сам же протоиерей Фёдор в то время был переведен в Буинск. Уже через год Александр был рукоположен в сан священника и назначен в Христо-Рождественский храм села Алейкино, где он служил до 1920 года. Началось его служение накануне Первой мировой войны. Одновременно со священнослужением, отец Александр занимался преподаванием в местной церковно-приходской школе. Именно в Алейкино молодой священник встретил революцию и все последующие разрушительные перемены.

После революции началось обнищание крестьян. Беды коснулись и духовенства. Вся земля у отца Александра была отобрана новой властью, и он жил исключительно за счет пожертвованных прихожан. А в тот момент у 31-летнего священника уже была жена и двое детей. В январе 1920 года у отца Александра умер брат – отец Сергей, служивший священником в селе Князь, и жители этого села попросили Симбирского архипастыря перевести отца Александра на место почившего брата. Батюшка поначалу согласился, однако, общее приходское собрание села уговорило его остаться.

Но уже в конце июля 1921 года в Епархиальное Управление обратились жители другого соседнего с Алейкино села – Комаровка. Летом здесь выстроили Михайло-Архангельскую церковь, но вскоре назначенный туда священник уехал к себе на родину. И жители села, знающие отца Александра как мудрого и духовного батюшку, попросили его занять место настоятеля. Отец Александр служил в Комаровке до марта 1923 года. В июле этого года его отправили в село Шумовка.

На новом месте службы отец Александр столкнулся с обновленцами. В Симбирске в 1922-23 годах было организовано обновленческое легальное Епархиальное управление. Власть тогда им покровительствовала, и организация других церковных управлений, в том числе канонического православного, не допускалась. В результате провокационной работы агитаторов приход в Шумовке разделился. Появилась небольшая группа прихожан, которая ста-

ла требовать перехода всей общины в обновленчество. Но отец Александр и большинство прихожан сохраняли верность Церкви. В результате на священника начали писать жалобы в Ульяновск. Епархиальное управление начало оказывать давление на пастыря, предлагали ему пост благочинного, но только при переходе в обновленчество. Он решил не торговать совестью, из-за чего в 1925 году вынужден был уйти за штат.

К тому времени в Ульяновск приехал назначенный Святейшим Патриархом Тихоном епископ Виссарион (Зорнин). Наконец, в июле 1925 года отец Александр попал на прием к новому управляющему Ульяновской епархией – епископу Виссариону, который назначил его на службу в село Бряндино. Новый приход стал последним в истории жизни отца Александра.

Иные батюшки всю жизнь служили в одном приходе. А отец Александр за время своей жизни сменил четыре. Это происходило не от хорошей жизни и не без умысла новой власти – не дать сформироваться здоровой приходской жизни. Словно постоянно пересеживаемое дерево, она не успевает пустить корни.

Но и на новом месте батюшка Александр во всем поддерживал односельчан, не давая большевикам творить произвол. За последние пять лет своей жизни в селе он несколько раз оказывался на грани ареста – его травлили непомерно высокими налогами, устраивали обыски, громили в печати, но раз за разом жители отстаивали своего пастыря.

Развязка наступила зимой 1930 года. В январе сельские власти вместе с активистами «Союза воинствующих безбожников» попытались снять в местной церкви колокола. Но крестьянский сход, в мгновение собравший набатом несколько сотен человек, отстоял святыню. И после нескольких тщетных попыток активисты вернулись в село с сотрудниками ОГПУ. Начались повальные аресты.

Зачинщиком народного выступления был объявлен отец Александр. 23 февраля он вернулся из леса с заготовки дров и также был арестован. 26 числа ему было предъявлено обвинение. Но виновным он себя так и не признал. К этому моменту четверо его односельчан уже были осуждены – двоих мужчин расстреляли, а двоих женщин отправили в лагерь на 10 лет.

15 апреля 1930 года тройка ОГПУ приговорила к расстрелу и отца Александра. Он провел в заключении ещё 13 дней. А затем, ночью, осужденных вывели из камер, посадили на телегу и этот мрачный конвой отправился к Стрижеву оврагу. Именно там 28 апреля 1930 года пуля большевистского палача оборвала жизнь верного служителя Церкви Христовой – иерея Александра Федоровича Гневушева. Ему было всего сорок лет.

В посмертном акте записано: «Труп расстрелянного Гневушева зарыт на кладбищах за городом Ульяновском, близ Стрижева оврага, на надлежащей глубине». В тот год, когда был расстрелян отец Александр, его старшей дочери Любе, исполнилось 14 лет, а младшему сыну Сергею – три года. Сиротами остались пять малолетних детей.

К лику общецерковных святых отца Александра причислили 17 августа 2004 года. Память его совершается в день его мученической кончины, 28 апреля по новому стилю.

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНИЦИАТИВА
Международный открытый грантовый конкурс

СИМБИРСКИЙ ЦЕНТР ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АЛЕКСАНДР ТЕЛЕМАКОВ

Александр Николаевич Телемаков родился 6 (19) декабря 1870 года, в день святителя Николая, в городе Сызрань. Отец его был чиновником 2-го разряда, служащим казначейства. В детстве Александр был кротким и благочестивым ребенком, рано полюбил молитву и религиозные книги, к тому же начал часто посещать окрестный монастырь.

Довольно рано решил отрок Александр посвятить себя служению Церкви Христовой. Однако он не принадлежал к духовному званию, его отец не был священнослужителем. А, как известно, в то время переход из одного сословия в другое сословие не приветствовался и был связан с рядом трудностей. Но решение отрока было непреклонно, и уже в возрасте 15 лет он поступил в Симбирскую духовную семинарию, и после её окончания в 1890 году был направлен на служение в кафедральный собор Симбирска, где служил до 1893 года. Так высоко оценило церковное руководство его ревность и желание церковного служения. Назначение сразу после семинарии в кафедральный собор было нетипичным, обычно молодых выпускников семинарии направляли для приобретения церковного опыта в различные отдаленные сельские приходы епархии. По истечении трёх лет, летом 1893 года он обвенчался со своей будущей женой – Анной Степановной Платоновой, и уже в сентябре был рукоположен в сан священника.

На свой первый приход он был направлен в село Мариополь Карсунского уезда, где прослужил образцово еще четыре года. За образцовое и усердное служение он был назначен настоятелем храма Рождества Пресвятой Богородицы в селе Коржевка того же Карсунского уезда (ныне Инзенский район Ульяновской области). К тому моменту его бурная деятельность привлекла в приход много новых прихожан, и существенно выросло влияние священника в селе. Росла и семья отца Александра – к 1908 году у него были уже четыре сына и три дочери.

И в том же году, несмотря на то, что и прежним приходом пастырь руководил с умом, его направили на новое место – в село Чумакино, благочинным по своему округу. За усердие в деле народного образования и неленостное служение в том же 1908 году отец Александр был удостоен благодарности Святейшего Синода с выдачей грамоты. В Чумакино у него родилось еще два сына, и, несмотря на столь большую семью, семья не бедствовала – священника в селе очень любили. На новом месте отец Александр прослужил почти четверть века. Также он был законоучителем местной школы, изучал с детьми Священное Писание и Закон Божий, прививал им нравственную культуру и открывал мир бесконечной любви Христовой. Также с 1908 года он исполнял должность благочинного своего Карсунского округа. Его деятельность не осталась незамеченной. В 1914 году он был награжден наперсным крестом, а за заслуги в деле образования был награжден медалью в память царствования императора Александра III.

Благополучная жизнь оборвалась после 1917 года. Пора благоденствия сменилась порой страшных испытаний. Объявленные врагами народа, священнослужители стали терять землю и имущество – многим из них попросту нечем стало кормить детей. В 1928 году отобрали дом и у отца Александра. Вся его огромная семья переехала жить в церковную сторожку.

Вместе с тем, жители села, лишенные пастыря, начали настойчиво просить у властей, чтобы им вернули так любимого им священника и, хотя бы на короткий срок, открыли церковь. Сами того не подозревая, они лишь еще сильнее стужали тучи над головой батюшки Александра. Потому что большевики с каждым разом все яснее понимали – пока он жив и проповедует, победы в этой борьбе им не одержать.

С той поры для него более не существовало спокойной жизни. Первым ударом для него стала смерть жены – матушка Анна скорострительно скончалась, не выдержав гонений на мужа и лишений в доме.

Затем ОГПУ нанесло первый удар по священнику. В вину ему ставилось чтение староцерковно-монархических книг и разговоры о пришествии Христа. 25 февраля 1932 года его арестовали, но тогда ему еще «повезло» и трибунал, расстреливавший более или менее молодых священников, пожалел 62-летнего батюшку, всего лишь сослав его сроком на 5 лет на строительство Беломорканала.

Однако уже через три неполных года его вернули домой – по состоянию здоровья. Но не дремавшее ОГПУ тут же принялось снова собирать на него компрометирующий материал.

Хотя и сам батюшка своей деятельностью не мог не привлечь внимание чекистов. Так, в январе 1937 года отцу Александру удалось открыть храм, собрав деньги для уплаты непомерного по тем временам налога, и совершить Крещенскую службу и Великое освящение воды. Такой дерзости в годы «большого террора» ему, конечно не простили.

Местные коммунисты, активисты и доносчики быстро опомнились и рассказали органам о содержании проповедей отца Александра. А в них не привыкший кривить душой батюшка всего лишь называл вещи своими именами: «В конституции записано о свободном религиозном культе, но фактически... конституция существует лишь на бумаге, а на деле ее нет...». И 24 декабря 1937 года его снова арестовали.

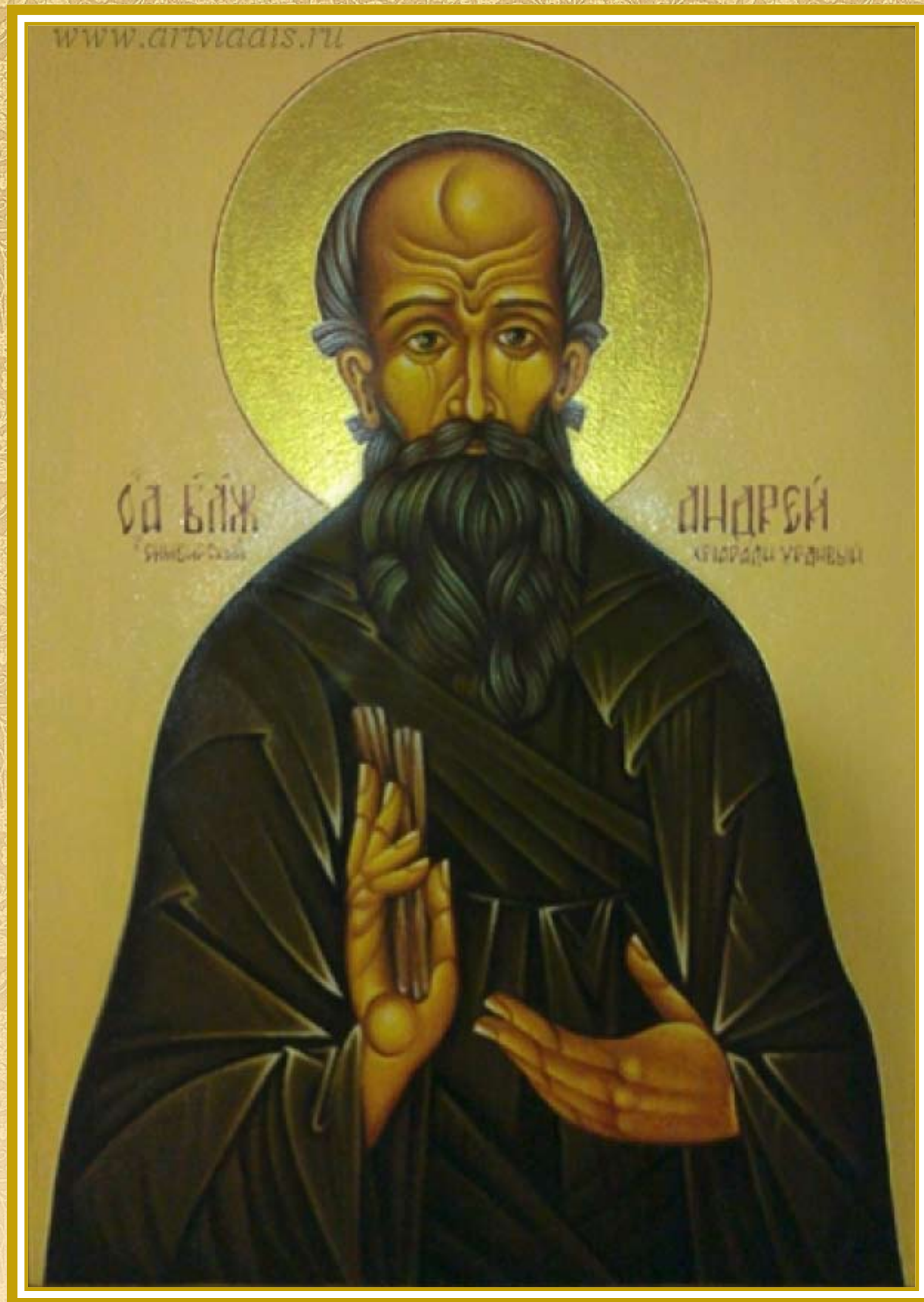
Поругание Конституции потом было поставлено в вину многим священникам и монахам. Хотя у отца Александра и без того хватало поводов для ареста. Богослужения без регистрации, молебны, крещение детей – все эти «страшные» преступления перед Советской властью в сумме дали основания всего через 5 дней следствия приговорить 68-летнего старика к расстрелу.

Спустя два неполных месяца, 19 февраля 1938 года священномученик Александр Телемаков принял мученическую кончину за свою веру в Христа.

Место его захоронения неизвестно. Но, как и многие, расстрелянные в феврале 1938 года священнослужители (среди которых казненные по делу Иоанна Никольского, в том числе и преподобномученица Екатерина Декалина), скорее всего, он был погребен в конце нынешней улицы Кирова (за мостом через железнодорожную выемку, у спуска к карьере), где раньше была южная свалка.

День ежегодной общецерковной памяти священномученика Александра Телемакова совершается 19 февраля по новому стилю.

БЛАЖЕННЫЙ АНДРЕЙ ОГОРОДНИКОВ

Блаженный Андрей родился в Симбирске 4 (17) июля 1763 года в семье бедных мещан Огородниковых. Его родители отличались благочестивой жизнью, особенно мать, которую прямо так и называли – женщиной набожной. До трёх лет Андрей не ходил, был, как говорили «сиднем», пил и ел из чужих рук. Потом стал ходить. Но – по воле Божией – ничего не говорил. С младенчества нёс он подвиг молчаливости. В течение всей жизни произносил он лишь два слова: «мама-Анна», или просто «Анна», как звали его мать.

Однако, на обращаемые к нему вопросы он давал ответы, но не словами, а звуками, жестами, движениями рук, головы и так далее, ответы отрицательные или положительные и вполне сознательные.

Он не был лишен ни органов слуха, ни органов речи, просто не использовал их сознательно. Чему свидетельством были несколько случаев, когда блаженный Андрей четко и внятно выразил свои мысли ясными словами. Но это были редчайшие случаи. Например, в 1825 году блаженный нарушил свое молчание, обличив богохульника словами: «Он Бога бранит!».

Другой раз нарушил свой обет молчания блаженный Андрей, когда ему было необходимо исцелить симбирскую дворянку Т. Е. от ужасной тоски, которая доводила её почти до сумасшествия. В таком тяжелом состоянии её однажды вели из церкви. На паперти встретился ей блаженный. Она поклонилась ему и сказала: «Застрадалась я, помолись ты за меня». И тут Андрей Ильич внезапно сказал в ответ: «Будешь здорова», и тотчас же скрылся. И эта госпожа вскоре, действительно, избавилась от своей болезни.

Начиная с раннего детства, святой зимой и летом ходил по Симбирску босиком в одной лишь длинной рубахе. Все ночи он молился, либо тайно, скрываясь в разных потайных местах, либо открыто – напротив алтаря Спасо-Вознесенского собора, а зимой – и прямо на снегу, в сугробе, или стоя в трескучий мороз в ледяной воде озера Маришки. Также рассказывали про блаженного, что он голыми руками вытаскивал из пылающей печи чугунные горшки, брал на руки и целовал кипящие самовары, иногда обливаясь при этом крутым кипятком, и, однако же, это нимало не вредило ему.

Удивительно было его воздержание. Он никогда не вкушал мяса, не пил вина и постоянно постился. Он был уже не земным, а небесным человеком и земным ангелом.

Своей непрестанной молитвой он ограждал город и его жителей от бед и напастей. Это, прежде всего, проявилось в том, что при его жизни в деревянном Симбирске не было пожаров. А тогда именно пожары являлись самой большой бедой деревянных городов, начиная от Москвы до Казани, которая практически вся выгорела в то время.

Но хранил жителей города он не только от пожаров. Также спасал их от страшных смертных грехов. В частности, спас одного помещика (П.А.) от совершения убийства. Последний несправедливо заподозрил свою жену в измене, основываясь на том, что она часто ходила в дом знакомой девицы А. Когда помещик собрался идти убивать, при выходе из ворот с ним неожиданно встретился Андрей Ильич и, загородив ему дорогу, начал кричать на него и толкать назад – домой. Изумлённый П.А. волей-неволей был вынужден уступить блаженному и вернуться домой, отложив своё намерение на следующий раз. Но и на следующий и на по-

следующий раз всё повторилось в точности. Наконец, помещик образумился, и недоразумение прояснилось. Его жена оказалась невиновна.

Спасал Андрей Ильич горожан и от несчастных случаев, например, от отравлений. Раз он неожиданно вбежал в хижину одной бедной мещанки, когда у неё в печи варились щи. Он схватил глиняный горшок из печи, бросил его на пол и скрылся из дома. Женщина сначала очень тужила о потере щей, но потом, когда стала убирать черепки, наша на дне разбитого горшка огромного паука, который, сварившись вместе со щами, возможно, мог бы отравить её и семью.

Другой раз, проходя мимо торговых лавок, Андрей Ильич отомкнул отверстие бочонка с растительным маслом. Масло вылилось. Хозяин рассердился. Но потом оказалось, что на дне бочонка лежала мёртвая змея.

Андрей блаженный предрекал переезд, начиная подметать двор. Совал в руки деньги, предугадывая богатство или должность казначея. Ложился в доме под иконами или давал на улице в руки щепочки, предсказывая тем скорую смерть. И никогда не ошибался.

Даже сам преподобный Серафим Саровский знал Андрея Симбирского и считал его подвигом выше своего, а его дарования выше своих. Поэтому и говорил приезжавшим к нему симбирянам: «Зачем это ко мне, убогому, вы трудитесь приходить, – у вас лучше меня есть, Андрей ваш Ильич».

Блаженный Андрей был добрым Ангелом Хранителем родного города. При этом он совсем не рассчитывал на ответную благодарность или корысть. И хотя к его рубахе был пришит большой карман, чтобы можно было опустить в него монетку или угощение, но далеко не у всех принимал блаженный Андрей подаяние. Когда монетку закидывали в карман недобрые люди, он тут же находил её среди множества других и возвращал обратно. А почти все, что подавали святому Андрею, он раздавал бедным, больным, голодным.

Блаженный Андрей был церковным человеком и прихожанином Спасо-Вознесенского собора. Он постоянно причащался Святых Таин. Со временем его узнал и полюбил почти весь город. «Наш Андреюшка», – говорили о нем. Он стал таким же защитником и хранителем для Симбирска, как блаженная Ксения для Петербурга, блаженный Василий для Москвы и блаженный Николай для Пскова.

Жизненный подвиг святого Андрея продолжался 78 лет. 23 ноября 1841 года он последний раз причастился, а 28 ноября (по старому стилю) в 4 часа ночи великий Божий подвижник тихо и безболезненно скончался. Похоронили Андрея Ильича на южной стороне монастырского храма, около южной стены. В советское время могила старца и древнее кладбище, да и сам Симбирский Покровский монастырь были полностью уничтожены.

Но в 1991 году ульяновские археологи обрели честные останки блаженного Андрея. А 2-4 июня 1998 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексея II состоялись торжества прославления святого.

Сегодня блаженный Андрей почитает мощами в Спасо-Вознесенском соборе города Ульяновска. И как прежде, он готов помочь каждому, обращающемуся к нему.

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНИЦИАТИВА
Международный открытый грантовый конкурс

СИМБИРСКИЙ ЦЕНТР ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК ГАВРИИЛ (ИГОШКИН)

Жизненный путь отца Гавриила начался 23 мая (5 июня) 1888 года в деревне Самодуровка Пензенской губернии. Иоанн (так назвали мальчика в крещении) Игошкин родился в семье крестьянина. Его родители, Иван Павлович и Варвара Павловна, были простыми людьми с крепкой верой в Бога и воспитывали детей в традициях христианского благочестия.

Ещё в отрочестве обнаружил Ваня склонность к подвижничеству, и с годами его ревность по Богу только возрастала. В ноябре 1903 года юноша решает оставить мир и уйти в монахи. Он отправляется в Жадовский мужской монастырь в Карсунском уезде Симбирской губернии. Там он проходит послушания до 1909 года. В 1909 году послушника Иоанна призывают на военную службу до конца 1913 года. А затем в 1914 году будущего архимандрита призывают в действующую армию. Только в конце 1917 года Иван Игошкин, демобилизованный по болезни, возвращается в Самодуровку – к своим родителям.

В 1921 году Иоанн принимает священнический сан диакона. На следующий год состоялась иерейская хиротония. В 1922 году священник Иоанн вместе с архиепископом Тихоном переезжает в Москву. В Москве с 1922 по 1936 год отец Иоанн служил во многих известных храмах: Покровском храме Марфо-Мариинской обители, храме святителя Николая в Пыжах, храме Воскресения Христова в Кадашах, а также в храме Покрова Богородицы села Звягино Пушкинского района и храме Сошествия Святого Духа города Пушкино. Долгожданное монашество отец Иоанн принимает в 1929 году в Московском Богоявленском монастыре, а уже через год был возведен в сан игумена.

Подлинное исповедничество отца Гавриила началось в 1931 году. Первый раз он был арестован за «систематическую антисоветскую деятельность» 14 апреля 1931 года и осужден на три года лагерей.

Срок отбывал в Вишерском лагере Екатеринбургской области. Здесь он пребывал до 29 июня 1932 года, когда был по состоянию здоровья освобожден из лагеря и выслан сначала в Ростов Ярославской области, а затем во Владимир, отбывать оставшийся срок в ссылке – до декабря 1933 года. По окончании срока отец Гавриил вернулся в Москву и продолжил служение в храме святителя Николая в Пыжах.

В 1934 году игумен Гавриил был возведен в сан архимандрита. В июле 1934 года храм, где служил архимандрит Гавриил, захватили обновленцы, и он перешел служить в храм Воскресения Христова в Кадашах. 19 августа 1934 года в праздник Преображения Господня во время богослужения его арестовали, обвинив в принадлежности к активной контрреволюционной церковно-монархической группировке. 3 октября 1934 года он был освобожден за недоказанностью вины. Вскоре церковь, в которой служил отец Гавриил, была закрыта, и его перевели в храм Покрова Богородицы села Звягино Пушкинского района Московской области.

В октябре 1936 года местные комсомольцы совершили поджог этой церкви. Отец Гавриил очень скорбел об этом и стал говорить о гонении на Православную Церковь со стороны властей, о безнаказанности за поджог. Его перевели в храм Сошествия Святого Духа города Пушкино.

4 ноября 1936 года во время богослужения на праздник в честь иконы Казанской Божией Матери отца Гавриила арестовали, обвинив в контрреволюционной деятельности. В день

Рождества Христова – 7 января 1937 году отцу Гавриилу предъявили обвинительное заключение, и 20 января Особое совещание при Народном комиссариате внутренних дел СССР за участие в контрреволюционной группе приговорило его к пяти годам исправительно-трудового лагеря. Отца Гавриила отправили этапом в город Чибью (ныне – г.Ухта) в Коми область, в Ухтпечлаг.

Срок заключения закончился в конце 1941 года, но в связи с войной отец Гавриил был освобожден только в июле 1942-го. После освобождения работал в этом лагере до октября 1942 года. В октябре 1942 года он уехал в город Кузнецк Пензенской области к своей сестре Пелагее. Прожив у сестры около месяца, он решил идти пешком в Ульяновск, чтобы получить назначение на службу, так как в Ульяновск была эвакуирована Московская Патриархия во главе с митрополитом Сергием (Страгородским).

По пути зашел к известному в то время блаженному старцу Василию Струеву, проживавшему в селе Копышовка (ныне – Урено-Карлинское) Тагайского района Ульяновской области, чтобы получить от него благословение, как и где ему жить. Архимандрит Гавриил, прожил в Базарном Урене до начала мая 1946 года и, немного поправив свое здоровье, обратился с прошением о принятии в клир уже к епископу Ульяновскому и Мелекесскому Софронию (Иванову), который назначил его настоятелем церкви в честь иконы Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина» города Ульяновска.

Немного позже он был переведен настоятелем Никольской церкви в город Мелекес (ныне – Димитровград). Здесь архимандрит Гавриил служил и проживал до последнего ареста в 1949 году. А затем после досрочного освобождения в 1954 году до самой кончины 18 октября 1959 года.

История последнего ареста такова. 8 июня 1949 года во время богослужения отец Гавриил был арестован и приговорен к 10 годам лагерей в Кемеровской области. Причем доносы на него писали свои же: церковный староста, председатель ревизионной комиссии прихода и регент хора.

После освобождения, отец Гавриил решает вернуться в Мелекес. Осенью 1959 года состояние здоровья старца ухудшилось. С каждым днем он терял телесные силы. По свидетельству духовных чад, за три дня до смерти он видел необыкновенный свет и в нем Господа и разговаривал с Ним.

Кончина его была мирной. В воскресенье 18 октября 1959 года батюшка отслужил Божественную литургию, причастился Святых Христовых Тайн. Предчувствуя конец земной жизни, он попросил прочесть над ним «Канон при разлучении души от тела». Стал прощаться со всеми, велел крестить его с головы до ног, окинул взглядом все четыре стороны света и тихо заснул. Сначала думали, что спит, но пульс уже не бился.

Архимандрит Гавриил был похоронен на городском кладбище города Димитровграда. Причислен к лику общецерковных святых на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 20 августа 2000 года. А 18 октября того же года состоялось обретение мощей преподобноисповедника Гавриила, которые ныне покоятся в Никольском соборе города Димитровграда.

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНИЦИАТИВА
Международный открытый грантовый конкурс

СИМБИРСКИЙ ЦЕНТР ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА ЕКАТЕРИНА (ДЕКАЛИНА)

Родилась Екатерина Декалина в ноябре 1875 года, в селе Панская Слобода Тушинской волости Симбирской губернии в семье крестьянина-середняка. В семье было четверо детей. У Екатерины было двое сестер – Евдокия и Елизавета, а также брат Василий. В храм Декалины ходили все вместе, но самой набожной в семье все равно считалась Екатерина. Поэтому, когда уже в возрасте 15 лет она сказала родителям, что хочет уйти послушницей в монастырь, те, хотя и не сразу, но одобрили её решение. 20 ноября 1890 года Екатерина Декалина поступила в Спасский Женский Новодевичий монастырь. 23 года спустя, в ноябре 1913 года, она была определена в число рясофорных послушниц, трудиться при монастырской часовне.

Данные о её жизни в обители внешне скупы. Однако, известно, что руководство монастыря ценило рассудительную насельницу. Так, в 1917 году, в ведомости о монашествующих Симбирского Спасского женского третьеклассного монастыря напротив имени Екатерины было записано: «хорошей жизни, послушание исполняет усердно».

Когда в 1920 году монастырь закрыли окончательно, матушка Екатерина (Декалина) и матушка Анастасия (Фокина) купили складчину маленький дом у спуска к Волге, и зарабатывали на жизнь шитьем, стегая одеяла и покрывала. Рождественники Екатерины, жившие неподалёку и промышлявшие рыбалкой на Волге, приносили им свежую рыбу. А за окнами был небольшой яблоневый сад. Из фруктов и ягод женщины варили варенье. Однако его, что интересно, они никогда не продавали. А все, до последней банки, раздавали детям или относили в детский приют.

Впоследствии, на допросах все это женщинам припомнили. И варенье, и посиделки с детьми, и посещение приюта. Первым делом, чтобы не утянуть за собой близких, друзей и знакомых, словно зная наперед тактику чекистов, матушка огородила их. Она заявила, что в доме живет уединенно и ни с кем, кроме Анастасии Фокиной, не общается, проводя время в молитвах и чтении псалмов.

Трудно сказать, поверили ли ей тогда, но одно можно утверждать точно: никто из её близких в дальнейшем под суд не угодил. И смертоносное чекистское «а кого еще из служителей культуры вы можете назвать?» не попало в список расстрелянных новыми невинными жертвами.

Однако судьба матушки Екатерины была решена практически с самого начала. Ведь идеалы своей веры она отстаивала перед сотрудниками НКВД без малейшей тени страха. Историки склонны полагать, что именно по этой причине практически все священнослужители и монахини из того злосчастного дела № П-1621 были расстреляны, а к лагерной ссылке приговорили лишь мирян.

Большинство протоколов их допросов похожи друг на друга, как две капли воды. Протокол матушки Екатерины в этом плане немного выделяется на фоне других. Потому как здесь, помимо типично следовательских фраз, чувствуется и реальная готовность умереть за веру. Рокочная готовность, стоившая матушке жизни.

– Вы являетесь членом церковно-монархической контрреволюционной организации. Требую чистосердечных признаний, – буднично требовал от нее следователь.

Но матушка отвечала честно.

– Членом церковно-монархической организации я не состояла и о существовании таковой не знала.

Следователь пытался укорить её:

– Выше Вы говорили, что Вы высказывали недовольство против советской власти, что она закрыла церкви, сажает верующих в тюрьмы. Вы знаете, что этим самым Вы помогаете врагам советской власти?

Однако, матушке нечего было скрывать. Она не боялась говорить о своих взглядах:

– Да, я понимала это, и делала это с тем расчетом, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше верующих. Вот тогда мы потребовали бы, чтобы нам открыли церкви, и, по моему убеждению, это сделать нам бы удалось. Я также надеялась на то, что долго советская власть не просуществует. Я видела это ещё и в том, что сейчас очень много недовольных ею за все вот эти притеснения.

– Расскажите, что вы говорили относительно конституции и выборов в Верховный Совет? – уточнил чекист.

– Относительно конституции я говорила, что она нам ничего не даст, в советы попадут коммунисты, а коммунисты против религии. Вот если бы своих кандидатов избрали бы верующие, тогда бы другое дело. Этим самым я говорила против выдвинутых кандидатов и всей выборной системы. Лучше пойти в церковь, чем на выборы, – просто и ясно сказала матушка небывалую по тем временам крамолу.

Она осталась честной во всем. Честной перед окружающими и честной перед собой. Но во времена Большого террора – это был гарантированный смертный приговор.

Хотя мама Татьяны Ивановны Буцыгиной и рассказывала, что в матушке чувствовалось огромное количество нерастратченной доброты и любви, она, в тоже время, умела поставить на место любого человека, будь то ехидный сосед или следователь НКВД.

Наверняка, это тоже повлияло на её приговор. Матушка Екатерина от своих слов не отказывалась, и от своих убеждений не отрекалась. Наоборот, даже на пороге смерти она верила и не боялась говорить об этом открыто.

У нее всегда было очень четкое представление о том, кто и как должен себя вести, и с этой твердой уверенностью она не рассталась до конца своей жизни.

Та бескомпромиссность и стойкость, которую матушка проявила под арестом, по мнению церковных историков, и могла стать причиной, по которой из всех казненных в тот день именно Екатерина Декалина была причислена к лику святых. Матушка стала тем самым образцом, четким и ясным. Образцом того, как должен вести себя верующий человек в пору гонений.

И вот, 17 февраля 1938 года была поставлена последняя точка в этом деле. В эту же дату теперь отмечается общецерковная память преподобномученицы Екатерины.

Ночью, на расстрел из внутренней тюрьмы ульяновского НКВД вывели огромную массу людей. К высшей мере наказания приговорили 55 человек. Еще восемь человек приговорили к 10 годам лагерей. Преподобномученица Екатерина (Декалина) тоже оказалась среди приговоренных к смерти.

Наиболее вероятным местом погребения мучеников 1938 года считается захоронение на старой городской южной свалке – за мостом через железнодорожную выемку недалеко от Моторного завода, там, где заканчивается улица Кирова и начинается улица Локомотивная.

АРХИЕПИСКОП ИОАКИМ (БЛАГОВИДОВ)

Иаков (Яков) Алексеевич Благовидов родился 19 сентября (2 октября) 1860 года в слободе Кашпир Сызранского уезда Симбирской губернии в семье священника Алексея Благовидова. Он был младшим из мальчиков в семье. По семейному преданию, Иакову еще в самом детстве было суждено стать священнослужителем – отец семейства рассказывал, что ему было видение, что его старшему сыну нужно стать лекарем, и лишь только младшему – необходимо стать священником. В 1882 году он закончил Симбирскую Духовную Семинарию и был отправлен учиться за казенный счет на богословское отделение Казанской Духовной Академии, которую и закончил в 1886 году со степенью кандидата богословия.

Уже через год после поступления в Академию он женился. 14 октября 1884 года он был рукоположен в сан иерея и назначен священником в Михайло-Архангельский академический храм. Через год его перевели в Елабугу (к тому моменту у него уже рождается второй сын), где Иаков Благовидов одновременно исполняет функции учителя богословия в реальном училище и женской гимназии, а также является священником городской Николаевской церкви.

С 1 августа 1894 года он жил в городе Симбирске, исполняя обязанности учителя Закона Божьего и настоятеля храма в Симбирской мужской классической гимназии. Его заслуги в городе не остались незамеченными. Можно сказать, что до революции замечательный педагог и священник был на особом счету у власти. Уже в 1896 году его награждают серебряной медалью в память царствования Александра III, в 1900 году – пожалуют право ношения наперсного креста, в 1903 году – удостоивают звания протоиерея, а в 1908 году награждают орденом святой Анны III степени. В 1912 году он получил право носить золотой наперсный крест, а в 1914, военном году, он был награжден орденом святого Владимира IV степени.

Помимо этого, с 1911 года Иаков Благовидов еще и представляет интересы Симбирского духовенства в городской думе.

Весной 1918 года, выпустив последних учеников, гимназия закрывается, и в городе начинаются тяжелые времена. В эти годы Иакова Благовидова постигает сразу несколько несчастий. Он вдовец – в 1920 году на 57 году жизни умирает его жена Мария Фёдоровна. К тому же, всё Поволжье охватывает голод. Под предлогом борьбы с ним новая власть начинает грабить церкви и храмы.

Правящему Симбирскому архипастырю Александру (Трапицину) в это время очень нужен толковый помощник. Но номинально имевший титул Симбирского vicария, епископ Алатырский Гурий уже несколько месяцев находится под стражей. Оттого, при назначении нового vicария выбор падает на отца Иакова Благовидова. Он смел, умен и верен своей пастве.

В 1921 году Иаков Благовидов принимает монашеский постриг с именем Иоаким, и рукоположение в епископа Алатырского, vicария Симбирского. Отправляясь на новое место службы, в Алатырь он застаёт там бушующий голод и зверства ГПУ.

В 1922 году началось изъятие церковных ценностей, был арестован Патриарх Тихон, и после этого началось движение обновленчества. Симбирская епархия и Алатырь не стали исключением.

До октября 1922 года Симбирское Епархиальное Управление во главе с архиепископом Александром (Трапициным), не признаёт обновленческое ВЦУ, но 22 октября всё же переходит под управление обновленцев. Однако, узнав об этом, vicарный епископ Алатырский Иоаким резко этому воспротивился. И сразу заявил о выходе из подчинения Симбирскому Епархиальному Управлению, признавшему, возглавляемое епископом (возведенным обновленцами в сан митрополита Московского и всея России) Антонином (Грановским), обновленческое Высшее Церковное Управление. Для него это тяжелый шаг – главу нынешнего Симбирского Управления – архиепископа Александра – он знает лично.

Вскоре, видя, что всё больше сомневающимся прихожан начинают переходить на сторону обновленцев, владыка объявляет о создании Независимой Алатырской автокефалии, признающей главой Церкви лишь Патриарха Тихона. Так он может действовать более свободно. В ответ обновленцы увольняют Иоакима за штат, но тот не подчиняется и продолжает служить в Алатыре.

Идея автокефалии становится популярной во многих приходах, примеру Алатырцев пытаются следовать и в других местах. Однако, далеко не везде прихожанами руководит такой смелый и умный пастырь, как отец Иоаким. А сам он, тем временем, пытается создать инициативную группу – АПГПХ (Алатырскую прогрессивную группу Православных христиан) и зарегистрировать её в официальных органах.

В 1923 году, ранней весной по Алатырю начинаются аресты. Обыски проходят в женском монастыре, квартире владыки и в домах членов оргбюро АПГПХ. В результате после допросов и суда, владыку, больного и немощного старика, на три года отправляют в тольکو что открявшийся Соловецкий лагерь особого назначения (СЛООН). С подорванным здоровьем после освобождения в начале 1927 года он вернулся на свою кафедру. Однако, к тому моменту в его вотчине назревает новый раскол. Теперь вместо вездесущих обновленцев власть в новой церковной иерархии Советского государства пытаются захватить новые раскольники – «григорианцы».

В трудной ситуации владыка Иоаким не сдаётся и начинает активную борьбу с григорианством среди своей паствы. Это даёт свои плоды. Всё больше и больше приходов переходят к епископу Иоакиму из ведения Виссарiona.

В это время, митрополит Сергей поручает епископу Иоакиму временное управление всей Ульяновской епархией, кроме приходов города Ульяновска, где приходы были переданы под окормление жившему здесь на покое архиепископу Александру (Трапицину). При этом проживал епископ Иоаким по-прежнему в городе Алатыре. 16 января 1928 года владыка Иоаким получил от митрополита Сергея циркуляр о праве выехать из Алатыря в Ульяновск и попытаться зарегистрировать свое Епархиальное управление, что он успешно сделал. В конце января епископ Иоаким окончательно переехал в Ульяновск, где зарегистрировал Епархиальное управление, получив официальное признание.

Скончался владыка 18 октября 1930 года в Ульяновске, в своей квартире на Красноармейской улице неподалеку от Германовского храма.

Похоронен он был неподалеку от Воскресенского храма, рядом с могилой своей жены Марии Фёдоровны.

АРХИЕПИСКОП ИОАНН (БРАТОЛЮБОВ)

В глазах современников владыка Иоанн навсегда остался верным сторонником православия. Истовая вера, самоотверженное служение и непоколебимая вера.

Архиепископ Иоанн, в миру Сергей Васильевич Братолюбов, родился в Казани 16 (29) июня 1882 года в семье протоиерея. Что примечательно, его путь служения, закончившийся в Ульяновске, был начат им здесь же, но еще в дореволюционном Симбирске. По окончании Казанской Духовной Академии, еще в 1906 году отец Иоанн был определен в Симбирскую Духовную Семинарию в должности помощника инспектора.

Именно здесь, по воспоминаниям современников, он впервые начал юродствовать. И именно тут, в Симбирске, он решил стать монахом. И именно Симбирский архиепископ Иаков (Пятницкий) 18 апреля 1907 года, рукоположил отца Иоанна в иеродиакон. А затем этот же архиепископ, спустя всего год служения постриг отца Иоанна в монашество. На следующий день в Жадовской Казанской пустыни, он был посвящен в иеромонахи.

Но тут же, в Симбирске, начинается и долгая череда скитаний отца Иоанна по стране. Многие из тех, кто описывают его жизнь и судьбу, отмечают, что и это испытание он принял со смирением. Куда бы ни забрасывала его судьба, везде он оставался верен себе и Господу. Везде он пытался наладить должный порядок, будучи служителем церкви.

Он служит в следующих городах и местностях: в Усть-Сысольске, в Перми, в Олонецкой епархии, на границу с Финляндией – в Петрозаводске, в Белоруссии, на Украине, в Тюмени, в Тобольской епархии, а затем и в Енисейской епархии.

Святейший патриарх Тихон в 1923 году лично возглавляет хиротонию архимандрита Иоанна и ставит нового епископа управлять Тобольской епархией. Но, как и в прежние времена, совсем скоро его снимают с этой должности и переводят на новую. Уже в 1924 году он становится епископом Воткинским, в 1927 году – епископом Шацким, в 1929 году – епископом Уральским, а в 1930 году – епископом Курганским.

Будучи арестован во времена гонений на священников в 1931 году, он, как непримиримый борец с «обновленцами», не пошел на сотрудничество с властью. Владыку Иоанна приговорили к 5 годам лагерей, в 1932 году перевели сначала в Ташкент, а через год – в Бек-Буди (на юге Узбекистана).

Через четыре года его выпускают из лагеря досрочно, по инвалидности и направляют жить у родни, в Казань. Однако, не прошло и года, как на смену первой волне репрессий пришла новая. По приговору «тройки» НКВД ТАССР 29 ноября 1937 года за все ту же «контрреволюционную агитацию» его приговорили к 10 годам заключения в Седьмом отделении Северного Ураллага НКВД. Его спасла директива НКВД, выпущенная в рамках послаблений, который дали Православной церкви во время войны. По собственным словам отца Иоанна, он сидел в лагере до 9 февраля 1943 г., когда (в порядке директивы НКВД наркомата юстиции и Прокурора СССР от 23 октября 1942 г. за № 467) был освобожден досрочно.

Затем его скитания продолжились, он служит в Сарapulьской епархии, Ижевской и Удмуртской епархии, в Башкирии, живёт на покое в Жировицком монастыре Минской епархии.

Но 27 января 1953 года он был назначен временно управляющим Ульяновской епархией, а 4 июня этого же года утвержден архиепископом Ульяновским и Мелекесским. Однако, служба в «большевистском Вифлееме» стала для него большим испытанием. Спустя всего несколько месяцев умирает Сталин, а вскоре к власти приходит Хрущев. Начинается новый виток богоборчества в России. Владыке уже за семьдесят, но он продолжает упорно восстанавливать порядок на вверенной ему территории. Первым делом он лично переписал всех священнослужителей своей новой епархии. Всех вместе оказалось 48 человек в 19 храмах.

Личным врагом владыки в этом деле стал уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совмине СССР по Ульяновской области Михаил Кошман, несколько раз фабриковавший против отца Иоанна откровенно лживые доносы, в которых обвинял его в растрате епархиальных денег, в клевете на патриарха Тихона, в подрыве устоев православия... В конце концов, ему удалось добиться своего. Епископ был снят с регистрации и 21 мая 1959 года уволен на покой. 11 июня того же года было закрыто Епархиальное управление, располагавшееся в церкви Казанской иконы Божией Матери на ул. Водников (ныне – ул. Кориюкина). Это означало фактическую ликвидацию Ульяновской епархии.

Отец Иоанн переехал из пристройки к церкви, где жил раньше, в маленький домик в Собачьем переулке. Жил он одиноко. Прежние знакомцы посещали его редко – боялись показаться рядом с опальным архиереем. Все чаще он начинал юродствовать. Вспоминают, что владыка был чрезвычайно нищелюбив. Он старался всегда хоть что-нибудь да подать нищим, и всегда был окружен ими. Сам он вел поистине праведную жизнь. Строгий аскет, он до последнего своего часа старался проводить жизнь на ногах, хотя ближе к кончине своей имел большие проблемы со здоровьем.

Рассказывали, что владыка был прозорлив. Однажды, в Петров пост одна из прихожанок сильно заболела и вынуждена была идти на операцию. Она пришла к архиепископу Иоанну за благословением, и он её благословил, сказав, что операция пройдет успешно. В самом деле, операцию сделали безболезненно и на удивление быстро – всего за 11 минут.

Также в народе был известен случай, когда владыка молитвой укротил бурю на Волге. А все местные рыбаки прекрасно знают, как опасен может быть шторм на реке. Ему с клиром и некоторыми прихожанами необходимо было перебраться за Волгу – на противоположный берег. В то время туда ходил паром. Но в это время началась буря, и все небо стало совсем темным. На реку страшно было даже смотреть. Прихожане просили владыку переждать бурю, но тот ответил:

– Престол ждет! – а потом помолчал немного и добавил. – Помолится, отцы!

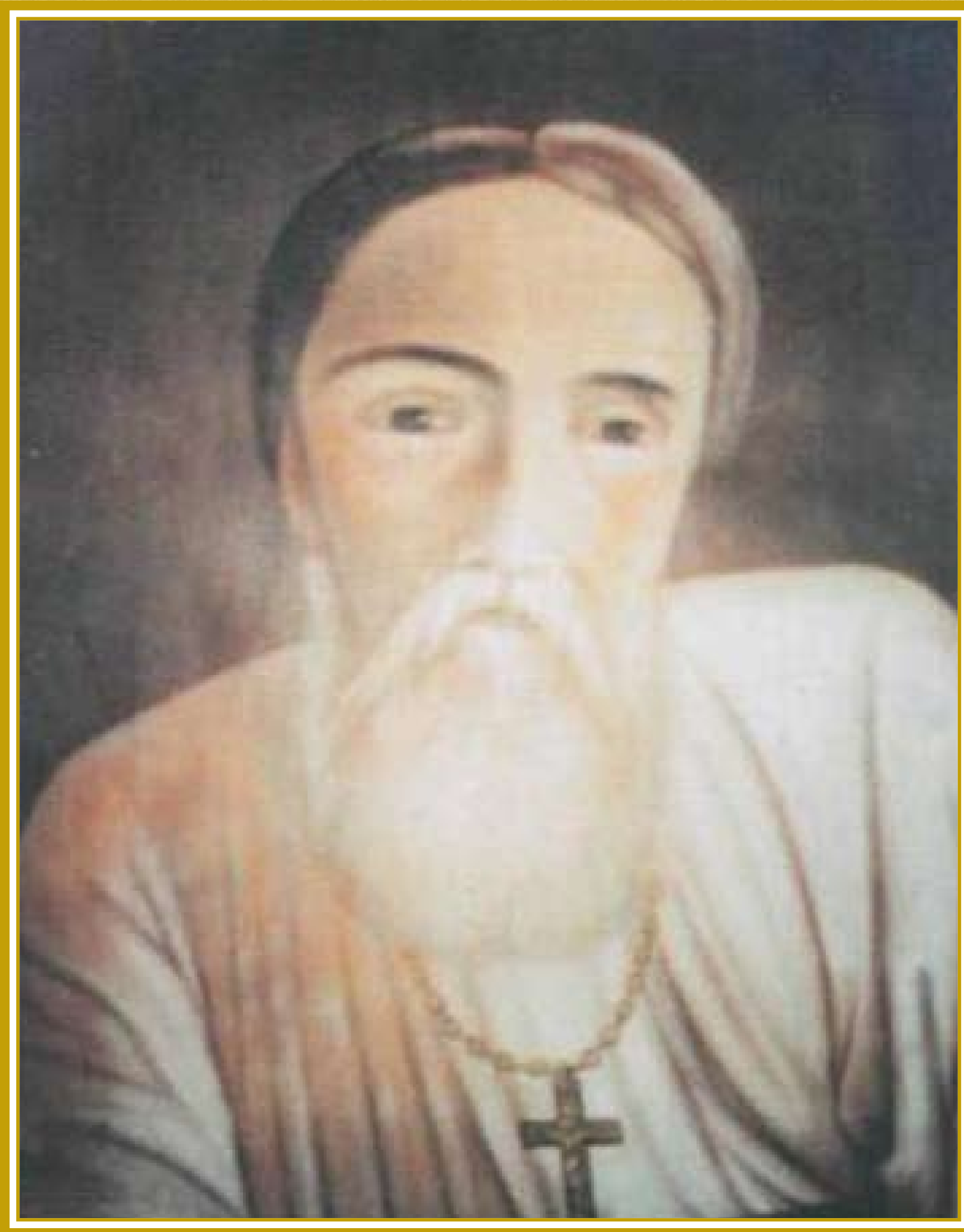
И крестом благословил бушевавшую реку. После краткой молитвы Волга утихла, и архиепископ с клиром переправились на пароме на другой берег.

Скончался отец Иоанн мирно 27 февраля 1968 года, причастившись накануне Святых Таин, в своём доме в Собачьем переулке. Ему было 85 лет. Похоронили его в Ульяновске на городском кладбище Воскресенского храма.

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНИЦИАТИВА
Международный открытый грантовый конкурс

СИМБИРСКИЙ ЦЕНТР ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЛАЖЕННЫЙ ВАСИЛИЙ СТРУЕВ

Василий Дмитриевич Струев родился в селе Большой Урень – ещё в царствование Александра II – 14 (27) августа 1868 года. Его родители Дмитрий и Евдокия были из простых крестьян. В семье воспитывалось еще трое детей: Филипп, Георгий и Анна. Была у блаженного Василия и жена, её звали Евфимией.

По возможности семья старалась быть во всем вместе со старцем. Но из 82 лет своей жизни 45 блаженный Василий находился в неподвижном лежачем состоянии. Жена его до кончины мужа не дожила. Но спасали родственники – всю вторую половину своей жизни старец прожил в доме брата, соседствуя с его семьей.

Недуг, сразивший блаженного, определил всю его дальнейшую жизнь. Пока этого не случилось, Василий Струев исполнял в селе обязанности старосты, а сам по профессии был валяльщиком валенок. Беда пришла в его дом неожиданно, это случилось в 1905 году.

Поздней осенью («в день бессребренников Космы и Дамиана» - записали после несчастья родственники, то есть 1 (14) ноября) он с женой выехал из родного села для работы в другой губернии. Приехав в дом, где он должен был свалить хозяйке несколько пар валенок, Василию Струеву отравился в баню, по традиции шерсть для обуви валялась в нагретой бане. И там хозяйка, то ли в шутку, то ли по неосторожности, облила спину распаренного от жара котов и работы Василия Дмитриевича ледяной водой. После этого старца мгновенно парализовало. С той поры большую половину жизни он провёл без единого движения.

По рассказам родных, когда его, неподвижного, словно самое настоящее бревно, привезли домой, он был очень плох. Домочадцы ожидали его скорой кончины. Но он не умирал. Говорить Василий Дмитриевич уже почти не мог. Тело было полностью парализовано, руки и ноги не действовали. Старец Василий очень сильно болел. Тело его покрыли болячки. Даже ел он с трудом – еду за него поначалу жевала жена.

Способность говорить разборчиво так к нему и не вернулась – лучше всего его понимала сирота Гликерия Захарова, вскоре попросившая ухаживать за блаженным Василием. Через неё он и общался с посетителями. Кроме Гликерии, за старцем ухаживали ещё три сестры – Антонина, Капитолина и Рахиль Рябовы. Вообще, стоит отметить, что в помощниках дом Струевых с той поры не нуждался.

Очень скоро окружающие поняли – что Василий - Божий человек. В своё время Господь послал старцу в помощь Гликерию - сироту, жившую в Малом Урене. Она-то и взялась ухаживать за старцем с любовью и усердием. Бесперывный уход её длился до самой кончины старца, то есть почти 17 лет.

Во все годы к порогу Струевых не иссякал поток просителей. Кто просил исцелить, кто – посоветовать, кто – успокоить. И все несли с собой гостиницы – поговаривали, что семейство Струевых в голодные годы выжило исключительно за счет них. Хотя сам старец Василий жил аскетом.

Из мебели у него были лишь стол, кровать да табурет. Кровать его представляла из себя железный остов с тремя брёвнышками толщиной по 15 сантиметров. Брёвнышко в ногах, брёвнышко посередине и брёвнышко в головах, покрытые рогожей. На них старец и лежал до самой своей смерти. Слава праведного старца не могла остановиться в пределах одного лишь села. И молва разнесла весть о Василии Уренском по всей стране. К нему приходи-

ли за помощью с Украины, из Средней Азии, с Кавказа... Шли совершенно разные люди, и каждый со своей просьбой. Шли исцеляться, шли за благословлением, шли лечить бесноватых.

Многих посетителей он исцелял простым прикосновением руки, хотя и это для парализованного старца было непросто. Одна из жительниц села Прислониха рассказывала, что сильная боль в груди у неё прошла лишь после того, как старец положил ей руку на голову. Но прежде, чем боль прошла, она несколько минут кричала на всю комнату не своим голосом.

Лечил отец Василий и бесноватых. Духовные и душевные болезни и по сей день лечатся непросто и не ко всякой получается найти подход. Уже тогда с подобными просьбами обращались к Божьим людям. Многие бесноватые не хотели ехать к старцу – их приходилось в прямом смысле привязывать к телегам. Им старец говорил залезть под кровать. И покуда Василий читал молитву, никто не мог вылезти из-под неё.

Был у старца и дар прозорливости. В тридцатые, а особенно в военные сороковые годы деревня была отрезана от внешнего мира, и получить какую-либо весточку от родных и близких было огромным счастьем. Прозорливость старца помогла многим не потерять надежду, а кому-то служила утешением.

В военное время этот дар старца был особенно важен для многих людей. Письма приходили не ото всех и не всегда. И просто понять – жив человек или нет, было самым главным. К Василию приходили с одним лишь вопросом – заказывать молебен за упокой или о здравии?

Приходили к Василию Дмитриевичу и спасаться от разных стихийных бедствий. Молитвы его помогали и при падеже скота, и при засухе, от которой всегда страдал этот край. Кроме того, к старцу приходили за благословлением на разные дела. Кто – на покупку. Кто – на дорогу.

Если старец не велел что-то делать, обычно просители быстро отказывались от своих планов. Те, кто ослушивались его, обычно платили за это очень большую цену.

Поначалу, семья Струевых не имела никаких проблем с властями из-за своего необычного родственника. Власти села после революции попросту боялись трогать старца.

Но когда в стране началась активная богоборческая кампания, с каждым днём всё чаще сверху приходили директивы – расправиться с непонятым старцем, смущавшим народ.

Несколько раз старец попадал в больницы и психлечебницы. Но всегда неизменно возвращался назад.

Блаженный Василий скончался 9 июля 1950 года. Умер, сидя в кресле. Был похоронен на сельском кладбище.

Более шестидесяти лет в село Большой Урень каждый год 9 июля съезжается огромное количество людей. Порой их собирается больше сотни. Все эти люди приезжают в Урено-Карлинское в день Тихвинской Иконы Божией Матери, чтобы помануть отца Василия Уренского – человека удивительной и непростой судьбы. Человека, которого до сих пор в народе считают чудотворцем. Человека, который большую часть своей жизни провел, будучи парализованным, но при этом смог сделать то, что не под силу и некоторым здоровым людям.

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНИЦИАТИВА
Международный открытый грантовый конкурс

СИБИРСКИЙ ЦЕНТР ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

АРХИДИАКОН КОНСТАНТИН РОЗОВ

Константин Васильевич Розов родился 10 (23) февраля 1874 года в селе Жданово Симбирской губернии Курмышского уезда (ныне Сергачевского района Нижегородской области). Он был старшим сыном в многодетной семье сельского священника Василия Розова.

Детей в семье было шестеро, но семья осиротела рано – на горе детям умер их отец. Все воспитание детей легло с той поры на мать. И она справилась с этим блестяще. Она не только смогла сохранить в своих детях ту истинную, детскую доброту и ребячливость, которую отмечали в Розове современники, но и привила им высокую культуру поведения. Все шестеро детей очень любили читать – в доме у Розовых была небедная библиотека. К тому же, после того, как они выросли, все дети, как минимум раз в год, приезжали к себе домой, в Жданово, вместе с семьями, чтобы проведать «мамочку», как её ласково называли дети даже в солидном возрасте.

Начальное образование старший сын Константин Розов получил в сельской школе, а в 1883 году его определили в Алатырское духовное училище, по окончании которого в 1889 году он направился в Симбирск. По тем временам, после Алатыря даже Симбирск казался молодому Константину Розову огромным мегаполисом. Он тогда еще даже не подозревал, в каких городах ему суждено будет стать известным. В Симбирской Духовной Семинарии Константин Розов продолжал свое образование, и уже здесь он постепенно он обрел славу среди сверстников и других «бурсаков», обучающихся с ним.

Могучий юноша мог на спор переплыть Волгу, а силой своего баса, как рассказывали, мог даже затупить горящую свечу. Еще будучи семинаристом, он участвует в архиерейском хоре Троицкого Собора Симбирска. Тут он начинает серьезно ставить свой голос, а это необыкновенный по тембру бас-профундо бельканто исключительного звучания, без каких-либо хрипов и качаний. Совсем скоро он начинает подниматься к вершинам певческого искусства. Поэтому не удивительно, что в 1895 году, по окончании Духовной Семинарии он был определен псаломщиком к Всехсвятской церкви.

Там же он, к слову сказать, через год повенчался со своей женой – купеческой дочерью Любовью Ивановной Полововой, жительницей Симбирска.

А уже в августе 1896 года епископом Симбирским и Сызранским Никандром он «определен на диаконскую вакансию к Симбирскому Кафедральному Троицкому Собору, а 13 сентября 1896 года был рукоположен в сан диакона». Но это было лишь начало его великого пути.

Столь примечательный священнослужитель не мог скрыться от внимания вышестоящего духовного начальства, учитывая, как популярна в конце XIX века стала в России тема исконно русского духа и культуры – везде и во всем. Священник-богатырь со своим неутомимым голосом был замечен ценителями из столицы. Его певческий талант было решено продемонстрировать в Москве. И в 1898 году Высокопреосвященнейшим митрополитом Московским и Коломенским Владимиром отец Константин был «определен на штатное диаконское место к Московскому Кафедральному Христа Спасителя Собору». А затем, резолюцией от 8 ноября 1902 года, Константин Васильевич был определен к Большому Успенскому Собору и возведен в сан протодиакона.

В 1903 году, на 290-летие дома Романовых, отца Константина приметил сам император. Приехав в Москву по случаю торжеств, он присутствовал на службе, где пел Розов. В итоге, на следующий день отец Константин получил от царя подарок. «Всемилоостивейше пожаловано ему из Кабинета Его Императорского Величества золотые часы с золотой цепью».

Через год ему предлагается стать протодиаконом при Соборе Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге – там к тому моменту как раз освободилась вакансия протодиакона. И 27 сентября 1904 года Розов пишет прошение на имя заведующего придворным духовенством Янышева.

Прошение удовлетворяет царь и уже в ноябре Розов попадает в столицу Российской империи. Безусловно, Санкт-Петербург произвел на него немалое впечатление. Но величие северной столицы, как и придворный этикет, оказались ему, по большому счету, чужды. Жизнь в Санкт-Петербурге тяготит его и уже через три года, он пишет личное прошение о переводе его назад, в Москву.

В марте 1907 года его возвращают назад. Он становится протодиаконом Большого Успенского Собора города Москвы. В купеческой столице, по общепризнанному мнению, тогда существовали четыре достопримечательности: Художественный и Большой театры, Третьяковская галерея и Синодальный хор. Звездой последнего мгновенно стал Константин Розов. И если певцы вроде Шаляпина были любимы только интеллигентной публикой, то отец Константин был любим всеми, даже неграмотными мужиками.

В июле 1918 года Поместный Собор избирал нового Патриарха. «Многая лета» вновь избранному Патриарху Тихону впервые также пел Константин Розов. А еще раньше в январе того же года, он был возведен в сан архидиакона.

В 1921 году, отмечая 25-летие своего служения, он принимал множество поздравлений. Среди поздравителей были самые разные люди и коллективы: рабочие и служащие Кремлевских организаций ВЦИК, рабочие и служащие Государственного завода № 2, рабочие Московского Кремля, Московский Епархиальный Совет.

Дав последний концерт в марте 1923 года в Большом зале Московской консерватории, отец Константин более на публике не появлялся. Через месяц он сильно заболел. В мае его госпитализировали. Но, даже находясь на смертном одре, он не растерял своего расположения духа и таланта. В больнице лечащий персонал относился к нему с любовью. Его попросили спеть. Он исполнил просьбу.

Он скончался 30 мая 1923 года. Ему было всего 49 лет. Посмертный диагноз: миокардит.

Хоронили его всей Москвой в погожий солнечный день. Катафалк, запряженный двумя парами лошадей в белых пополах, с гробом направился на Ваганьковское кладбище в сопровождении тысяч благодарных людей. Прощание с отцом Константином длилось целый день, так что погребение на Ваганьковском кладбище пришлось отложить на сутки.

К 100-летию со дня рождения отца Константина в 1974 году Московская Патриархия установила на могиле памятный крест белого мрамора с надписью: «Великий Архидиакон Константин Васильевич Розов».

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНИЦИАТИВА
Международный открытый грантовый конкурс

СИБИРСКИЙ ЦЕНТР ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ